Легендарный роман — источник света и надежды для многих поколений

МИССИС УИГГС

ИЗ КАПУСТНОГО ПЕРЕУЛКА

ЭЛИС ХЕГАН РАЙС

Роман о добре, терпении и радостях жизни в маленьком городке

КНИГА ЭКРАНИЗИРОВАЛАСЬ 4 РАЗА

Уютная классика

Элис Хеган Райс

Миссис Уиггс из капустного переулка

«Автор»
2026

Райс Э.

Миссис Уиггс из капустного переулка / Э. Райс — «Автор», 2026 — (Уютная классика)

Вдова Эльвира Уиггс живёт с пятью детьми в ветхом домике на окраине Луисвилла — там, где нет ни мостовых, ни настоящих капустных грядок, а есть только упрямая бедность и вечная нехватка денег. Но у миссис Уиггс есть то, чего не отнять: непробиваемый оптимизм и дар находить повод для радости в любой беде. Она сама шьёт, стирает, ведёт воскресную школу на кухне — и наперекор всему учит детей не унывать и делиться последним куском хлеба. Тёплый, светлый роман Элис Хеган Райс (1901) выдержал уже четыре экранизации — редкий случай долголетия для книги столетней давности. Это история не столько о бедности, сколько о щедрости, которая не зависит от того, сколько у тебя есть. В книге: полный перевод романа, галерея персонажей с портретами, цитатник афоризмов миссис Уиггс и подборка настоящих рецептов простого американского стола рубежа XIX–XX веков. Продолжение следует — совсем скоро выходит роман «Лави Мэри» с теми же полюбившимися героями.

© Райс Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От переводчика 5
Главные герои 6
Глава I. Философия миссис Уиггс 10
Глава II. Средства и способы 14
Глава III. «Рождественская барышня» 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Элис Хеган Райс
Миссис Уиггс из капустного переулка

От переводчика

Есть книги, которые не сдвигают тектонических пластов литературы, но продолжают тихо согревать читателей уже больше века. «Миссис Уиггс из Капустного переулка» — как раз такая книга.

Элис Хеган Райс написала её в 1901 году — тогда ей было всего двадцать шесть, и работала она, если верить биографам, отчасти по собственным впечатлениям от благотворительной работы в бедных кварталах Луисвилла. Реальный прототип у миссис Уиггс, судя по всему, действительно был — и был он таким же неисправимым оптимистом, как героиня романа.

Сюжет здесь незамысловат: семья вдовы, ветхий домик на окраине города, дети, из которых один болен, а остальные то и дело влипают в неприятности, вечная нехватка денег — и посреди всего этого миссис Уиггс, которая упрямо отказывается унывать. Её философия проста до неприличия: не пыли на розовые очки, находи в любой беде хоть что-то хорошее, а если беда совсем уж черна — придумай шутку и посмейся над ней вместе с детьми. Книга держится не столько на интриге, сколько на голосе героини — её афористичной, корявой, но невероятно живой речи, где житейская мудрость перемешана с наивной верой и упрямым чувством юмора.

При переводе я старался передать эту речь общерусским разговорным просторечием — не «оканьем» или каким-то конкретным диалектом, а тем языком, каким рассказывают истории бабушки на кухне: со стяжениями, усечёнными словами, неправильными глагольными формами. Мне кажется, именно так голос миссис Уиггс звучит естественнее всего — без искусственной привязки к чужому для неё русскому колориту.

Роман небольшой — всего одиннадцать глав, — но у него есть прямое продолжение: «Лави Мэри» (Lovey Mary), вышедшее двумя годами позже. Туда я и отправляюсь дальше. Во второй книге к уже знакомым и полюбившимся жителям Капустного переулка присоединяется новая героиня — угловатая, вспыльчивая, но глубоко порядочная девочка-сирота, которая сбегает из приюта и находит новый дом (и новую семью) там же, под крылом миссис Уиггс. А сами Уиггсы — Джим, Билли, Азия, Австралия и Европена — раскроются с неожиданной стороны: тот, кто в этой книге был на вторых ролях, там выйдет на первый план.

Так что если вам полюбилась эта маленькая, но тёплая история — не прощайтесь с Капустным переулком. Скоро вернёмся туда снова.

Главные герои

Миссис Эльвира Уиггс

Вдова, глава семьи, философ поневоле. Её девиз — не унывать и находить повод для радости в любых обстоятельствах, даже когда обстоятельства к этому совсем не располагают.

Джим

Старший сын, пятнадцати лет от роду. Кормилец семьи, на чьи плечи легла взрослая ноша слишком рано.

Билли

Средний сын. В отличие от старшего брата, несёт свои обязанности легко, как веснушки на носу, — но когда нужно, берётся за дело с недетской хваткой.

Азия, Австралия и Европена

Три дочери миссис Уиггс, названные, по её собственному выражению, «географическими именами» — так уж ей казалось солиднее. Младшую хотели назвать в честь Европы, но вышло по-своему — Европена.

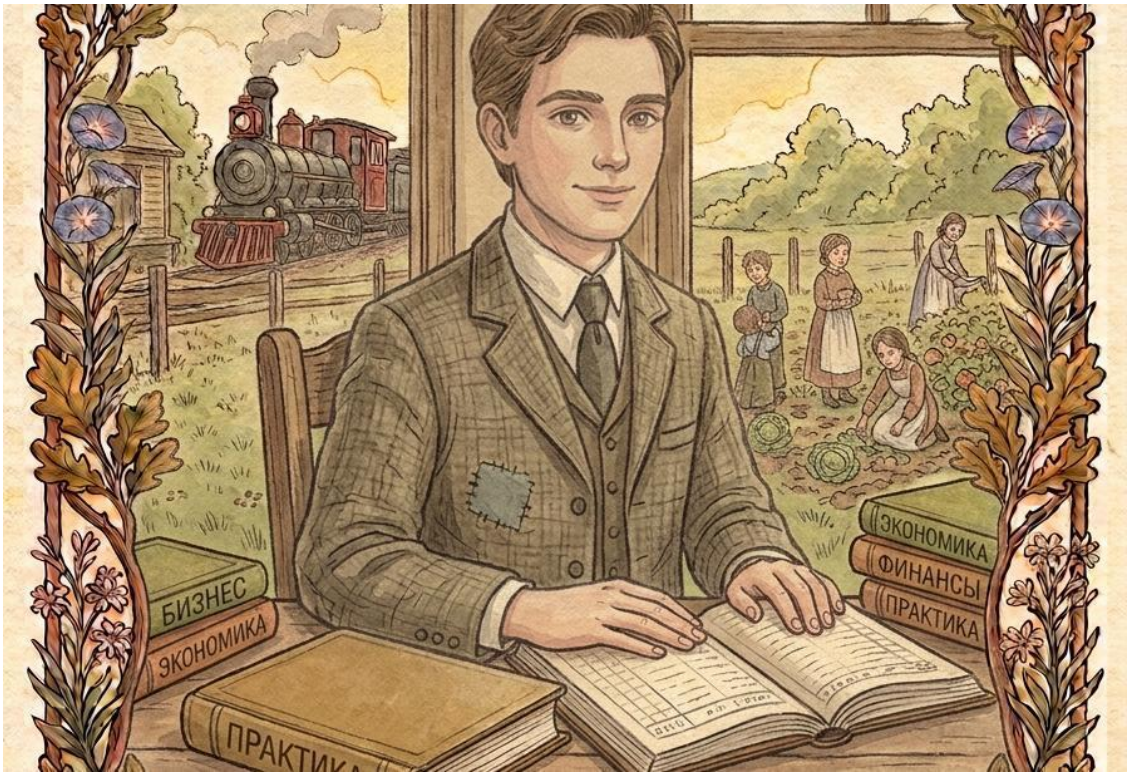
Мисс Хейзи

Соседка Уиггсов — нервная, безалаберная и вечно суетящаяся, но добрая душой.

Люси Олдинг

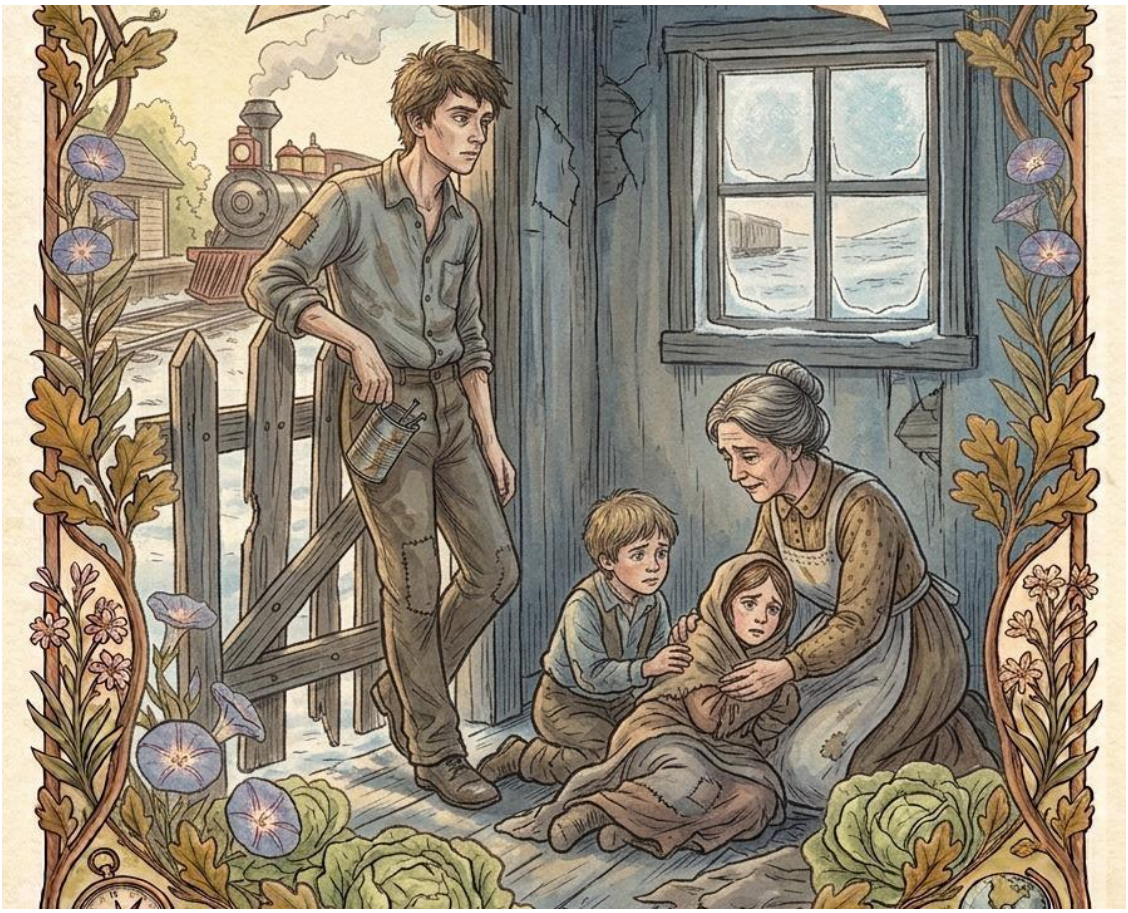
Барышня из зажиточной части города, впервые появляется в дверях Уиггсов с рождественской корзиной — и остаётся в их жизни надолго.

Боб Реддинг

Друг и, как окажется, куда больше, чем друг, для Люси. Человек с деньгами и добрым сердцем, который не проходит мимо чужой беды.

Глава I. Философия миссис Уиггс

«В грязи и мути бытия
Что-то всё равно поёт!»

— Батюшки, ну и холодина нынче с утра! Термометр аж до нуля дополз!

Миссис Уиггс произнесла это так бодро, будто локти у неё не торчали наружу из старого мальчишеского пальто, которое она носила, и зубы не стучали во рту, точно кастаньеты. Но миссис Уиггс была философом, и вся её философия сводилась к тому, чтобы не давать пыли садиться на розовые очки. Когда мистер Уиггс отправился в мир иной по пьяной дорожке, она похоронила его грехи вместе с ним, а за неимением других достоинств для похвалы всегда напирала на то, какой у него был красивый почерк. То же самое было, когда сгорел их домик в деревне и ей пришлось податься в город на заработки — единственное, что она тогда сказала: «Слава богу, что сгорела свинья, а не малец!»

Вот и в это хмурое декабрьское утро она укутала детей одеялами, усадила их поближе к печке, заклеила разбитое стекло коричневой бумагой и при этом бойко приговаривала что-то насчёт перемены погоды.

Уиггсы жили в Капустном переулке. Настоящей капустной грядки там отродясь не было — просто чудной район, где ветхие домишки скакали через рельсы, будто в классики. Улиц не было и в помине, так что новый дом ставили как бог на душу положит хозяину. Разве что бакалея мистера Бэгби держалась приличий и смотрела фасадом прямо на пути, зато домик мисс Хейзи забился боком во двор к Уиггсам, точно боялся товарных составов, что грохотали мимо по десять раз на дню; а из передней комнаты миссис Шульц было видно прямо в кухню Айхор-

нов. Впрочем, ничего дурного в этом не было — миссис Шульц уже десять лет не вставала с постели, и всё её развлечение в жизни состояло в том, чтобы наблюдать за соседской семьёй.

Дом Уиггсов был самым видным во всей округе. Всё потому, что у него было целых две парадных двери и жестяная крыша. Одна дверь была заколочена намертво, а вторая открывалась прямо на улицу — но с виду ни за что не догадаешься. Когда сгорел деревенский дом, одну дверь успели спасти. Миссис Уиггс с мальчиками привезли её на новое место и ловко приладили в конце боковой веранды. Но главную гордость дому придавала крыша — единственная жестяная во всём Капустном переулке. Джим с Билли сколотили её из старых банок, которые насобирали на пустыре.

Джиму было пятнадцать, и он был за старшего в доме; плечи у него были совсем мужские, согнутые от работы, зато тело сходило на нет двумя тощими ногами, которые, казалось, вот-вот подломятся под такой ношей. В его тревожных глазах читался взгляд кормильца, который взялся за дело слишком рано. Жизнь обошлась с Джимом как трагедия — та самая трагедия, что случается, когда чуткую детскую душу заставляют нести взрослую ношу, а мудрости, которую даёт только опыт, взяться ещё неоткуда.

Билли Уиггс был скроен иначе; заботы лежали на нём так же легко, как веснушки на носу. Когда нужда или мать того требовали, он брался за дело с настойчивостью, что сулила ему хорошее будущее, но по большей части играл, дрался и влипал в истории с тем же усердием, что и любой обычный мальчишка.

Миссис Уиггс любила похвастаться, что все три её дочки носили географические имена: сперва пошла Азия, потом Австралия. Когда на свет явилась последняя малышка, Билли постоял над свёртком и озабоченно спросил:

— Ма, а этот на мальчика будет или на девочку?

— На девочку, Билли, и звать её будут Европена! — ответила миссис Уиггс.

В то воскресное утро миссис Уиггс хлопотала на кухне с необычной поспешностью.

— Сварю-ка я вам нынче на обед хорошего ирландского картофельного супу, — сказала она, выходя из горницы, где держала картошку и лук. — Мальчики скоро придут, надо поспешать, покуда детвора не начала сходиться на воскресную школу.

Много лет подряд воскресный день был для округи сущим наказанием, и потому миссис Уиггс завела свой класс воскресной школы, где сама и заправляла.

— Никак Крис с Питом уже тут как тут! — сказала Азия от печки. — Спорим, они уже пообедали дома, а сюда явились пораньше, чтоб и нашего урвать!

— Ну что ты, Азия! — воскликнула миссис Уиггс. — Разве ж это гостеприимно, да ещё Крис у нас на одной ноге! Никакого труда — плесну в суп чуток воды, а мы с Джимом обойдёмся одним куском хлеба.

Когда пришли Джим с Билли, их места за столом были уже заняты, так что они уселись прямо на пол и хлебали суп из чайных чашек.

— Ух ты! — сказал Билли, принимаясь за третью порцию. — Столько нахлебался, что аж слыхать, как хлеб внутри плюхается!

— Ну-ка, вставайте, парни, тащите пару досок, положим их на стулья — рассадим детвору.

К двум часам воскресная школа была в полном разгаре: занято было каждое место на кухне, и не только место. Мальчишки расселись по подоконникам и на столе, девочки жались друг к дружке на самодельных лавках. Миссис Уиггс стояла перед ними с потрёпанным сборником псалмов в руках.

— А ну все притихли, споём-ка гимн! Я прочту сперва, а потом споём все вместе.

«Когда житейских волн тебя швыряет вал, Когда в отчаянье решил, что пропадал, Сочти свои дары один по одному — Дивись, что сделал Бог тебе да твоему!»

Звонко и громко зазвенели детские голоса — кто во что горазд, вразнобой, но с таким неподдельным жаром, что уже само по себе было благодатью. Пропев три куплета, миссис Уиггс приступила к уроку.

— Что мы учили в прошлое воскресенье?

Ответа не последовало — только приглушённый смешок двух девчонок.

— Неужто никто не помнит, что Господь дал Моисею на горе?

В углу взметнулась рука, и звонкий голос выпалил:

— Я знаю, я знаю! Господь дал Моисею десять сальных свечек, а он их слопал!

Не успела миссис Уиггс вступить в спор насчёт этой новой версии священной истории, как ей прилетело в глаз бумажным катышком. Метили в Билли, но тот увернулся, и досталось ей. Тут вышла заминка — пришлось идти промывать пострадавший глаз, а пока её не было, воскресная школа взбунтовалась.

— Мисс Уиггс, скажите Томми, чтоб не плевал жвачным табаком мне в шапку!

— Мисс Уиггс, а я знаю, кто в вас попал!

— Учительница, а можно мне попить?

Лишь когда миссис Уиггс вышла из спальни с завязанным чулком глазом и снова взяла бразды в руки, порядок восстановился.

— Где находится Вифлеем? — начала она, читая по старому листку с уроком.

— Меня не спрашивайте! — бойко отозвался Крис.

Она пропустила его слова мимо ушей и обратилась к следующему, который неуверенно протянул:

— Это, часом, не в Алабаме?

— Нет, в Святой земле, — сказала она.

В глубине класса вдруг поднялась суматоха. Билли ловким манёвром выдернул стул, на котором держалась одна из досок, и целый каскад маленьких возмущённых девчонок покатился боком вниз по наклонной. Дело шло к драке, но прежде чем случилась беда, миссис Уиггс заперла Билли в спальне и снова стала полновластной хозяйкой положения.

— Вот что я вам скажу, детвора: надобно вам потолковать насчёт свар да драк. Что толку учить вас тому, что было тыщу лет назад, коли у вас манер не хватает даже выслушать, что я говорю. Вспоминается мне один случай ещё с войны: лежат солдаты лагерем, из последних сил стараются не околеть от холода, тут является проповедник службу править. Взошёл он на амвон и говорит: «Братья, — говорит, — текст мой нынче — Обморожение. Нет никакого толку проповедовать религию людям, у которых все мысли только про свои ноги. А вы, ребята, возьмите-ка мыла помягче да налейте в сапоги, и держите их так, покуда ноги не заживут, а как я в другой раз загляну, ум ваш уж будет посговорчивее к слову Господню». Вот так же и я про эту вот воскресную школу думаю. Прежде всего научу-ка я вас манерам. Одну только мысль хочу, чтоб вы с собой унесли: грешно это — свариться. Мамаша моя, бывало, говаривала: жизнь — она как лоскутное одеяло шить, надо мир хранить да обрезки в дело пускать. Ну-ка, что я хочу, чтоб вы запомнили?

— Не сваритесь! — тут же отозвались хором.

— Вот и правильно; а теперь споём «Правь к берегу».

Когда стёкла перестали дребезжать от могучего хора, миссис Уиггс подняла руки, призывая к тишине.

— Господи! — истово взмолилась она. — Помоги этим деткам быть добрыми да ласковыми друг с дружкой, да со своими мамками и папками. Сделай их благодарными за то, что есть, пусть даже самую малость. Покажи нам всем, как жить по-твоему, и слава Тебе, от кого все благодати текут. Аминь.

Когда за последним мальцом захлопнулась калитка, миссис Уиггс обернулась к окну, у которого стоял Джим. Он не пел вместе со всеми, был молчалив и о чём-то думал.

— Джим, — сказала мать, пытаясь заглянуть ему в лицо, — да ты ж без пальто пришёл! Никак продал его?

— Да, — тяжело выговорил мальчик, — да только на квартплату всё одно не хватит. Придётся что другое придумать.

Миссис Уиггс обняла его за плечи, и они вместе поглядели через окно на унылый пустырь.

— Не убивайся так, Джимми, — сказала она. — Может, найду завтра работу, или тебе прибавку дадут, или ещё что — как-нибудь да выйдет.

Она и не подозревала, что за выход её ждёт.

Глава II. Средства и способы

«Ах, есть о чём заплакать перед вами, дети!
Уж вы устали, не успев пробежать пути;
Вы никогда не видели солнечного света,
Ни той славы, что светлей солнца, не смогли найти».

Тот декабрьский холод, что нагрянул тем утром, стал началом целой череды дней, что наперегонки старались загнать столбик термометра пониже. Похоже, падение температуры одинаково подействовало и на бочку с картошкой, и на запас угля в горнице Уиггсов.

Неустанные хлопоты миссис Уиггс в поисках работы так ничем и не увенчались, а Джим трудился уже из последних сил; день ото дня его скудного заработка всё меньше хватало на нужды семьи.

В канун Рождества, когда малыши уже спали, они сидели у печки и держали совет. Ветер бросался на дом в настоящем неистовстве, стряхивал сосульки с подоконника и шипел сквозь заплатки на стёклах. Снег, что просачивался в щели рассохшейся рамы, лежал на подоконнике, не тая. Джим завернулся в кусок старого ковра и кашлял почти на каждом вдохе. Миссис Уиггс сидела, закрыв лицо руками, и слёзы, что стекали сквозь скрюченные пальцы, с шипением падали на печку. Джим впервые видел, чтобы мать вот так сдалась.

— Похоже, придётся нам просить помощи, Джим, — сказала она. — В кредит у мистера Бэгби брать не могу — духу не хватит потом тянуть долг. Как думаешь? Видать, придётся нам обратиться в благотворительную контору.

Глаза Джима вспыхнули.

— Ещё не время, ма! — сказал он твёрдо. — Так же вышло с Хорнби: у них есть было нечего, пошли они в контору, а человек их спросил, есть ли у них кровать да стол, и когда они сказали «да», он им и говорит: «Ну так продайте их». Нет уж, ма! Пока у нас есть уголь, я как-нибудь да раздобуду еды! — Он замолчал: приступ кашля так сотряс его с головы до пят, что говорить он больше не мог. — Я думаю на той неделе устроиться на ночную работу; один торговец с рынка каждую ночь приезжает из деревни, чтоб пораньше выехать наутро, и спросил меня, не посплю ли я в его фургоне с трёх до шести, покуда никто не украл овощи. Тогда я успею домой, позавтракаю и к семи буду на фабрике.

— Да Джимми, мальчик мой, — вскричала мать, и голос её задрожал от тревоги, — ты ж и днём-то еле держишься, куда тебе ещё и ночью! Нет уж, я сама буду сторожить фургон, я...

Стук в дверь горницы прервал её. Она наспех вытерла глаза и пригладила волосы. Джим пошёл открывать.

— Я принесла вам рождественскую корзину! — раздался бодрый голос.

— Разве нынче Рождество? — тупо спросил Джим.

Девушка в дверях засмеялась. Она была высокой и стройной, но Джим разглядел только пару блестящих глаз между полями шляпы и высоким меховым воротником. И всё же приятно было слышать её смех — от него как-то теплее становилось. Темнокожий слуга позади неё поставил на порог большую корзину.

— Это от церкви, — пояснила она. — Мы целой компанией разъезжаем в омнибусе и развозим корзины.

— Батюшки, да как же вы к нам-то попали? — воскликнула миссис Уиггс, подошедшая к двери.

— По одной корзине каждой семье из воскресной школы миссии — просто маленький рождественский привет.

Настроение миссис Уиггс поднималось с каждой минутой.

— Что ж, это уж как есть по-доброму да заботливо, — сказала она. — Не хотите ли... — она замялась: комната, которую она только что покинула, была не в том виде, чтобы принимать гостей, но миссис Уиггс была кентуккийкой до мозга костей. — Заходите, обогрейтесь, — сказала она радушно, — печка-то поостыла малость, да отогреться можно.

— Нет, спасибо, зайти не могу, — сказала барышня, покосившись на Джима, что стоял, прислонившись к двери. — У вас довольно угля? — спросила она вполголоса.

— О да, мэм, благодарствуйте, — сказала миссис Уиггс, ободряюще улыбаясь. Тон её мог бы прозвучать не так уверенно, если бы не предостерегающий взгляд Джима. Каждой чуткой жилкой своей натуры он противился просить о помощи.

Девушка была озадачена: она заметила печать нищеты на всём вокруг, кроме светлого лица маленькой женщины перед ней.

— Что ж, — сказала она неуверенно, — если вам когда-нибудь захочется... прийти ко мне в гости, спросите мисс Люси Олкотт в Террас-парке. Доброй ночи и счастливого Рождества!

Она ушла, и дверной проём сразу показался очень тёмным и одиноким. Но большая корзина осталась в доказательство того, что она не была лишь видением, и понадобились и Джим, и его мать, чтобы внести её. Сидя на полу, они распаковали её. Там были овощи, овсянка, фрукты и даже чай с кофе. Но самый сюрприз ждал на самом дне! Большая индейка, до того забавно выглядевшая с подогнутыми под тушку ногами, что Джим засмеялся в голос.

— Это первая индейка в этом доме за долгие годы! — сказала миссис Уиггс в восторге, пощипывая жирную птицу. — Европена, поди, испугается — уж больно большая. Ох, ну и обед у нас завтра будет! Позову мисс Хейзи с Крисом на весь день, отнесу тарелочку миссис Шульц, да отсыплю чуток этого чаю старушке миссис Лоусон.

Туча для миссис Уиггс вывернулась наизнанку, и видна стала лишь серебряная кайма. Джим подсчитывал что-то на коричневой бумаге, в которую была завёрнута корзина, и наконец поднял глаза и медленно проговорил:

— Ма, боюсь, индейку в этом году нам не есть. Я могу продать её за доллар семьдесят пять центов, а на эти деньги мы долго проживём на свином сале.

Лицо миссис Уиггс вытянулось, и она молча теребила завязки фартука. Она уже нарисовала себе радость настоящего рождественского обеда — первого, какой узнали бы младшие дети; она уже мысленно отобрала полдюжины соседей, кому хотела бы отнести «кусочек». Но один взгляд на встревоженное лицо Джима вернул её к действительности.

— Конечно продадим, — сказала она бодро. — Ну и голова у тебя на плечах для мальца! Продадим утром, купим колбасы на обед, а из этих овощей я чего-нибудь сварю, да положу каждому на тарелку по апельсину и конфетке, и детвора ничего и знать не будет. Да и, — добавила она, — коли ты никогда не едал индюшатины, так и не знаешь, до чего она хороша.

Но, несмотря на всю свою философию, когда Джим уже лёг спать, она украдкой подошла ещё раз взглянуть на индейку.

— Кажется, я бы так не убивалась, — сказала она тоскливо, — кабы они ещё и клюкву не прислали!

Десять дней корзина с припасами да лишние деньги, что заработал Джим по ночам и миссис Уиггс на стирке, покрывали нужды семьи; но к концу января тучи снова сгустились гуще прежнего.

Однажды вечером на сердце у миссис Уиггс было тяжело, когда она брела домой по снегу после трудового дня. Подошёл срок за квартиру, уголь вышел, а в бочке осталось всего несколько картофелин. Но всё это были лишь тени бед по сравнению с болезнью Джима: он расхворался и с утра не пошёл на фабрику, и она боялась даже думать, что мог принести этот день. Когда она подняла щеколду на своей шаткой двери, её встретил детский плач: это маленькая Европена рыдала от голода. Три дня в доме не было хлеба, и скудный запас картошки и бобов был всей их пищей.

Миссис Уиггс поспешила туда, где на койке в углу лежал Джим; щёки его пылали, а худые нервные пальцы теребили старую шаль, что укрывала его.

— Джим, — сказала она, опускаясь рядом на колени и прижимая его горячую руку к своей щеке, — Джим, милый, пусти меня за доктором. Тебе хуже, чем с утра было, и... и я так боюсь!.. — голос её прервался рыданием.

Джим попытался обнять её рукой, но что-то заболело у него в груди при движении, и он вместо этого просто похлопал её по руке.

— Не переживай, ма, — сказал он, тяжело дыша, — денег на лекарства всё равно нет, хоть бы доктор и пришёл. Иди поужинай теперь; и, ма, не тревожься; я о вас всех позабочусь! Только... только, — добавил он устало, — в фургоне мне, видать, сегодня не спать.

Медленно тянулись часы до полуночи. Миссис Уиггс придвинула койку Джима поближе к печке и старалась изо всех сил облегчить его страдания. Усилия её были неустанны, и одно за другим применялись все нехитрые деревенские снадобья. К двенадцати часам он стал беспокоен.

— То мне жарко, то опять холодно, — проговорил он с трудом. — Найдётся ещё чем-нибудь укрыть меня, ма?

Миссис Уиггс встала и пошла к кровати. Три девочки лежали, съёжившись под одним старым одеялом, бледные, с осунувшимися лицами. Она резко отвернулась и посмотрела в угол, где на тюфяке спал Билли. Одеял на его постели не хватало даже для одного. Она закрыла лицо руками, и на миг её сотрясли беззвучные рыдания. Самое тяжкое горе часто то, что не оставляет следа. Когда она вернулась к печке, для больного мальчика уже была готова улыбка.

— Вот то, что нужно, — сказала она. — Это моя юбка. Мне она вовсе ни к чему, я тут у самого огня сижу. Смотри, как ловно она со всех сторон подтыкается!

Некоторое время он лежал молча, потом спросил:

— Ма, ты не спишь?

— Нет, Джим.

— Ну вот, я тут подумал. Коли утром мне лучше не станет, я думаю... — слова давались ему через силу, — думаю, тебе бы лучше сходить к рождественской барышне. Я бы не против был, коли б она узнала. Оно, впрочем, ненадолго, потому как я скоро сам о вас всех позабочусь — как встану.

От этих разговоров начался сильный кашель, и он в изнеможении откинулся назад.

— Не спится тебе, милый? — спросила мать.

— Нет, это всё колёса эти старые, — сказал он раздражённо, — колёса те, с фабрики; только засну, а они опять будят.

Руки у миссис Уиггс были загрубелые и узловатые, но любовь научила их быть нежными, когда она гладила его горячую голову.

— Рассказать тебе про деревню, Джим? — спросила она.

С самого детства он любил слушать про их старый дом в долине. Смутные воспоминания о нём составляли всё его представление о рае.

— Да, ма; может, я про колёса забуду, — сказал он.

— Ну, — начала она, кладя голову рядом с его на подушку, чтобы он не видел её лица, — было это всё точно большой двор перед домом, без всяких заборов, и цветы там были не чьи-то, как на проспекте, где рвать не смей, а Божьи, и рви себе на здоровье сколько хочешь. И деревья там были, Джим, залезешь на них — а там большие красные яблоки, а как мороз ударит, так хурма прямо во рту таяла. И можно было глядеть вдаль через луга, видеть, как деревья колышутся на солнышке, а над головой птицы поют, будто никогда не смолкнут. А отец твой да я брали тебя с собой на сенокос, и ты играл на стогах сена. Как сейчас помню, каким ты был, Джим, — толстенький мальчонка с красными щёчками, всё время смеялся.

Миссис Уиггс не смогла говорить дальше — старые воспоминания захлестнули её. Джим едва понял, когда она замолчала: глаза его были полуприкрыты, и сладкая дремота овладела им.

— Тепло как на солнышке-то, — пробормотал он, — луга да деревья — всё время смеются! Птицы поют, поют, поют.

Потом Джим и сам тихонько, монотонно затянул песню, и печаль, что не пришла с годами, оставила его усталое лицо, и он бесстрашно уплыл в Сумеречную Долину, туда, где осталось его потерянное детство.

Глава III. «Рождественская барышня»

«Румянец летний, нежный
На щёчке, как заря,
А в сердце холод снежный,
Зима лежит, горя.
Но всё изменит время,
Года своё возьмут,
Зима сойдёт на щёки,
А лето — в сердце тут».

Поздним вечером на другой день мужчина и девушка стояли в прихожей дома Олкоттов. Лампы ещё не зажигали, но пламя из камина отбрасывало уютный отсвет на пунцовые занавеси и груду ярких подушек на подоконнике.

Роберт Реддинг, стоя со шляпой в руке, давно бы уже ушёл, если бы «рождественская барышня» не была в своём фиалковом платье. Он говорил, что прощание с ней всегда занимает у него полчаса, когда в волосах у неё роза, и целый час — когда на ней фиалковое платье.

— Ей-богу, постой так минутку! Отсвет камина в твоих волосах делает тебя похожей на святую. Маленькая святая Люсинда! — сказал он поддразнивая, пытаясь поймать её руку. Она спрятала руку за спину от греха подальше.

— Не совсем святая? — продолжал он с притворным удивлением. — Тогда айсберг — славный, приличный маленький айсберг.

Люси Олкотт молча взглянула на него; он был очень высок и статен, а лицо его сохраняло много мальчишеского, несмотря на твёрдую квадратную челюсть.

— Роберт, — сказала она вдруг посерьёзнев, — я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал.

— Хорошо; что же? — спросил он.

Она несмело положила руку на его ладонь и посмотрела на него серьёзно.

— Это насчёт Дика Харриса, — сказала она. — Я хочу, чтобы ты поменьше проводил с ним время.

Лицо Реддинга омрачилось.

— Ты боишься мне довериться? — спросил он.

— О нет, дело не в этом, — торопливо сказала она, — но, Роберт, из-за этого люди думают о тебе такие дурные вещи; я не могу вынести, что тебя судят несправедливо.

Реддинг обнял её за плечи, и вместе они стояли, глядя вниз на тлеющие угли.

— Расскажи мне, девочка моя, что ты слышала?

Она колебалась.

— Неправда то, что говорили. Я знала, что неправда, но у них не было права так говорить.

— Ну, давай всё-таки послушаем. Что же было?

— Вчера вечером у нас были люди из Нового Орлеана; они спросили, знаю ли я тебя, — сказали, что знали тебя и Дика в тот год, что вы там провели.

— Ну и? — сказал Реддинг.

Люси, видимо, с трудом продолжала.

— Они сказали тогда несколько отвратительных вещей — только потому, что ты друг Дика.

— Что же именно, Люси?

— Они сказали мне, что вы оба были совсем беспутными, что репутация твоя не лучше его; что... прости, Роберт, что я вообще это повторяю. Я так рассердилась, я сказала им, что это неправда — ни единого слова; что всё это по вине Дика; что он...

— Люси, — перебил Реддинг властно, — подожди, дай мне сказать! Я никогда тебе не лгал ни в чём, и не стану заискивать сейчас. Четыре года назад, когда эти люди меня знали, я и правда был таким, как они сказали. Дик Харрис и я приехали в Новый Орлеан прямо из колледжа. Ни у одного из нас не было ни дома, ни близких, кто бы о нас заботился, вот мы и пустились во все тяжкие. К концу года меня от всего этого затошнило, я взял себя в руки и приехал сюда. А бедный Дик так и продолжал.

При первых его словах краска сошла с лица Люси, она отступила на другую сторону камина и стояла, глядя на него с ужасом в глазах.

— Но ты никогда не был таким, как Дик! — запротестовала она.

— Был, — продолжал он страстно, — и если бы не Божья помощь, я и до сих пор был бы таким же. Это было ужасное усилие, и одному небу известно, как я боролся. Я никогда толком не понимал, зачем всё это, пока не встретил тебя полгода назад; тогда я понял, что эти четыре года были даны мне, чтобы я стал человеком.

Договорив, он впервые заметил, что Люси плачет. Он бросился к ней, но она отпрянула.

— Нет, нет, не трогай меня! Мне так ужасно тяжело, и больно, и... я потрясена.

— Но ведь ты не станешь любить меня меньше за то, что я преодолел всё это в прошлом?

— Не знаю, не знаю, — сказала она сквозь рыдания. — Я почитала тебя, я идеализировала тебя, Роберт. Я никогда не могла представить тебя другим, чем ты есть сейчас.

— Но почему ты должна была так думать? — умолял он. — Это был всего один год из моей жизни; слишком много, верно, но я искупил его изо всех сил.

Сила и искренность его голоса начинали влиять на неё. Она была совсем молода, с суровыми, бескомпромиссными мерками девичества; жизнь для неё была либо белой, либо чёрной, и время ещё не заполнило холст бесчисленными оттенками серого, что перетекают друг в друга, покуда все границы не сотрутся, и только Мастеру-Художнику ведомы пределы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.